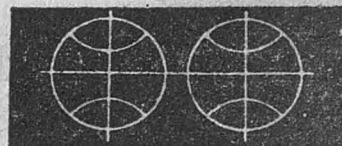

КОМ

КУЛЬТУРА
ИСКУССТВО

— СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

1984, 21 июля

МИР
В НЕСКОЛЬКИХ
СТРОКАХ

С телеэпоп
«Советской культуры»
и ТАСС

Что нового? Мольер!

Когда-то известный французский актер Саха Гитри на вопрос одного из своих знакомых «Что нового в театре?» ответил: «Мольер!». Сегодня этот превратившийся в афоризм мини-диалог снова стал актуальным. Самым неожиданным, вызвавшим наиболее бурные споры событием заканчивающегося театрального сезона в Париже стал мольеровский «Тартюф». И не только в Париже. Потому что поставлен был Страсбургским драматическим театром, откуда затем прибыл в столицу. И потому еще, что посмотреть его люди специально ехали из других городов.

«Удивительно! — восклицали некоторые, видя, как толпы молодежи выстраиваются у театральных касс. — Откуда у них вдруг такой интерес к классике?».

«Чему удивляться? — пожали плечами другие. — Взяли на главную роль Жерара Депардье, кинозвезду первой величины. Он и притягивает всех».

Объяснение явно упрощенное: вряд ли Мольер нуждается в популярных кинозвездах для утверждения. И тем не менее после просмотра спектакля я уже не рвалась его оспаривать...

«Ни одна постановка не в состоянии исчерпать это великое произведение. Каждая очередная — лишь подготовка к последующим». Так говорит о «Тартюфе» его нынешний создатель Жак Лассаль. Как

прочитал пьесу, он сам? На что и на кого направил свой прожектор? Уже декорации сразу «выдают» его замысел. Они строги на краски и скупы на детали быта. Вместе с тем необыкновенно «гибки» и благодаря остроумной системе подвижных перегородок уводят зрителя все глубже в дом Оргона, в его лабиринты и потайные уголки, которые обычно лишь угадываются. Точно также режиссер пытается проникнуть в «потайные уголки» характеров персонажей. И в первую очередь — в характер Оргона. В понимании Лассалья это не глупый деспот и экзальтированный простотия, а потерпевший фиаско искатель человеческого (и, возможно, социальных) идеалов, сломавшийся жизнью, обманутый близкими, разочарованный обществом, где правят деньги, злословие и духовное убожество. Он не попадает случайно в сети к лежцу-святоше, а сам сознательно эти сети себе расставляет. Сам почти «из ничего» создает себе кумира, того единственного, кому за нимением иного можно наконец исповедоваться, поклониться. И разоблачение мнимого вызывает у него не запоздалый гнев, а скрытую досаду: так сладко было заблуждаться.

«А Тартюф?» — нетерпеливо

спросит читатель. А Тартюф в соответствии с режиссерской логикой становится почти неосвязанным, бесплотным. Не профессиональный ханжа, а всего-навсего наделенный силой обаяния мелкий проходимец, согласившийся — едва ли не против воли — подыгрывать своему благодетелю.

«В такой трактовке пьесу следовало бы назвать не «Тартюф», а «Орган», — заметил еженедельник «Юните». А кроме того, заменить на программке слово «комедия» «трагедией».

Режиссер действительно намеренно изгоняет все комедийные элементы, весь блеск тирад, все краски интонаций. Остается голый текст, в котором актеры, по выражению одного из критиков, «играющие в наручниках», сосредоточены ищут трагический смысл.

Оригинальничанье? Дань определенной моде? Скорее всего, нет. Жак Лассаль не из тех современных постановщиков, которые хотят удивить любой ценой. В своем поиске он искренен, серьезен. Но... быть может, как раз слишком серьезен. Слишком упорствует в желании найти «ума холодные наблюдения» там, где столько написано пылким сердцем, кровью. Обоснованно стремись выявлять психологическую сложность персонажей, он не-

обоснованно упускает из виду их сатирическую сущность. Стремясь «продвинуть вперед» действительно интереснейшую фигуру Оргона, он «забивает» его Тартюфа. Того, без кого теряются острый мольеровский аромат пьесы, ее обличительная сила, ее вечная злободневность, заслужившая ей народную славу.

И все же я начала ведь именно со славы. С берущихся штурмом касс и до краев заполненных залов: сама тому свидетель. Но вот вопрос, который не раз приходил позднее: был ли массовый успех спектакля одобрением выбора его создателей? И имел ли сам этот выбор — очень спорный, хотя, безусловно, заслуживающий внимания — непосредственное отношение к успеху?

Как вы помните, на роль Тартюфа был приглашен Жерар Депардье, один из самых любимых во Франции киноактеров. Любимый актер экрана ушел на театральную сцену? За ним послушно последовали его обычные зрители. В основном очень молодые, неискушенные, далекие от театра. Зачастую никогда не читавшие «Тартюфа», заранее полагая, что это «старо и скучно». Но... играл Жерар. И они шли, отбросив предубеждения. Они в отличие от традици-

онной театральной публики, оказавшейся в меньшинстве, не анализировали, не сравнивали с «оригиналом», с прошлыми постановками. Просто вслушивались в текст, вникали в интригу. И приходили в безотчетный восторг: совсем, оказывается, не скучно, а как актуально. И даже смеялись! Хотя, по замыслу режиссера, не должны были. Что поделалось пьеса оказалась сильнее замысла.

В дни, когда игрался спектакль, были раскуплены все тиражи карманного издания «Тартюфа». Знакомство — очень полезное — состоялось и обещало вылиться в дружбу. Благодаря Жерару Депардье. Так что он в самом деле сыграл роль приманки. И если его исполнение Тартюфа вызвало возражения у многих критиков, то в оценке этой «дополнительной» роли они сошлись во мнениях. Без Депардье нынешняя постановка осталась бы чисто театральным событием. С ним неожиданно стала событием французской жизни. Такое случается нечасто. Такому, наверное, довольно улыбнулся бы Мольер. И как знать, быть может, согласился простить спектаклю его слабости.

Елена КАРАСЕВА.
ПАРИЖ.